

О ПРИРОДЕ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Сложность и многогранность темы, конечно же, в очень незначительной мере позволяет осветить ее основные аспекты в рамках краткого доклада. Мои соображения, изложенные в виде тезисов, претендуют лишь на то, чтобы проблематизировать идею философской рефлексии. Для ее характеристики в отличие от других типов знания и сознания будут существенны два понятия: «проблема» и «контекст».

Проблема

Проблема есть форма вопрошающего сознания – это ее родовая специфика. В этом отношении философия есть теоретическое выражение природы человека вообще, поскольку ему свойственно удивляться, сомневаться, ставить под вопрос все что угодно. Здесь уместно вспомнить принцип герменевтического первенства вопроса (Х.-Г.Гадамер). Вот еще несколько примеров, подтверждающих важность этой темы.

М.Бахтин: «Смыслом я называю ответы на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла».

П.Рикёр: «Великий философ – это тот, кто открывает новый способ спрашивать».

В.Гейзенберг: ученого в философии «интересуют, прежде всего, постановки вопросов и только во вторую очередь ответы. Постановки вопросов кажутся ему весьма ценными, если они оказываются плодотворными в развитии человеческого мышления. Ответы же в большинстве случаев носят преходящий характер, они теряют в ходе времени свое значение благодаря расширению наших знаний о фактах».

Р.Коллингвуд: «Вы никогда не сможете узнать смысл сказанного человеком с помощью простого изучения устных или письменных высказываний, им сделанных... Чтобы найти этот смысл, мы должны также знать, каков был вопрос (вопрос, возникший в его собственном сознании и, по его предположению, в нашем), на который написанное или сказанное им должно послужить ответом».

Т.И.Ойзерман: «Анализ формы философского вопроса выявляет специфическое, несводимое к предмету частных наук содержание».

Наконец, универсальность вопрошания как способа философского мышления выражена в «интеррогативном» подходе Я.Хинтикки, который пытается построить эпистемологию без понятий знания и полагания.

Однако в течение долгого времени, словно демонстрируя свое упрямство и вопиющую неосведомленность, эпистемологи, ориентированные на идеи Венского кружка, отказывали вопросу и проблеме в статусе знания. Проблемы фактически отождествлялись с псевдопроблемами, а к знанию причислялись только повествовательные высказывания. И только К.Поппер отважился на то, чтобы включить научные и философские проблемы в познавательный процесс, помещая их в сферу «третьего мира».

Наше допущение звучит так: разворачивание содержания философии происходит в ходе формулировки и анализа философских проблем. Что же тогда представляет собой проблема как форма знания в отличие от вопроса?

Проблема – это не просто вопрос, ответ на который предполагает некоторое знание.

Задавая вопросы типа: «Сколько звезд на небе?», «Когда произошла Французская революция?» или «Какова длина молекулы ДНК?», мы знаем точный или приблизительный ответ или, в худшем случае, знаем, где его искать. Вопросы и ответы на них могут нуждаться в терминологических или фактических уточнениях, но они не требуют поиска принципиально нового знания и не выражают сомнения в уже имеющемся знании.

Проблема фиксирует как раз дефект наличного знания.

Проблема является системой из двух и более вопросительных суждений со строгой дизъюнкцией и содержит взаимоисключающие онтологические допущения. Возможность формулировки осмысленных и весьма значимых вопросов, стоящих в оппозиции друг к другу, предполагает неоднородность, неполноту, противоречивость доступного нам массива знания, например, несоответствие между равно обоснованными тезисами, предпосылками и заключением, задачами исследования и его средствами, идеей и ее применением.

Отсюда следует, что проблема явно или неявно содержит знание весьма специфического, рефлексивного рода, знание, направленное на самого себя: *это знание о знании, его сфере и границах.*

Б.С.Грязнов: определение проблемы через различие проблем и задач

Напомню о том, как Б.С.Грязнов различает проблему и задачу. Проблема – вопрос, ответом на который является теория в целом.

Так, например, проблемой, которую решала квантовая теория М.Планка, был вопрос: прерывны или непрерывны энергетические процессы, происходящие в системах, совершающих гармонические колебания?

Проблема Н.Коперника состояла в вопросе о том, вращается ли небесная сфера относительно Земли или наоборот.

Задача – напротив, внутритеоретический вопрос, ее решением является одно или несколько утверждений теории.

Например, какими формулами описать процесс перехода электрона с одной атомной орбиты на другую? Или сколько эпициклов необходимо для описания вращения Земли вокруг Солнца?

Решением проблемы будет теория в целом, решением задачи – некоторая часть теории.

Введенное Б.С.Грязновым различие предполагает, что проблема имеет *внешнее* происхождение по отношению к теории, которая является ее решением. Теоретический *скачок*, представленный в известном тезисе парадигмальной, или глобальной теоретической «несоизмеримости» Куна-Фейерабенда, характеризует именно возникновение и решение проблемы.

Решение задачи следует из той теории, в рамках которой задача сформулирована. Это «разгадывание головоломок», по Т.Куну, составляющее суть «нормальной науки».

Однако *исторически* теории возникают вовсе не как решения проблем. Наука вообще не занимается решением проблем. В науке проблемы не *формулируются*, а, скорее, *реконструируются* по уже готовому знанию: это **способ**

понимания теории, приходящий вслед за знанием. Отсюда, по Б.С.Грязнову, следует, что научная проблема является результатом особого рода познавательной деятельности – историко-научной рефлексии, или реконструкции.

Я полагаю, что философская рефлексия аналогична, но имеет более общий теоретический статус и независимость от предмета. Как только мы выходим за пределы науки в область философии, мы получаем возможность ставить, формулировать и переформулировать проблемы, в том числе и такие, для которых пока не существует решения, или такие, решение которых (в конкретно-научном или практическом смысле) вообще невозможно.

В лекциях, пытаясь упрощенно показать особенности таких видов знания, как магия, философия и наука, я порой использую следующую формулу, которая пригодна и для иллюстрации формы бытия проблем.

Наука *решает* проблемы, которые *могут* быть решены.

Философия *ставит* проблемы, которые *не могут* быть решены.

Магия *решает* проблемы, которые *не могут* быть решены.

Более обстоятельное рассмотрение этих видов знания показывает, что научные проблемы на деле оказываются конкретными задачами, а некоторые философские проблемы, преобразуясь в конкретно-научные задачи, обретают свое решение. И, наконец, магические проблемы решаются благодаря тому, что одна неразрешимая в данный момент проблема или задача подменяется другой, решаемой задачей.

Можно отважиться на следующее допущение: подобно тому, как смысл (значение) слова есть его употребление, смысл проблемы, а следовательно, и проблема как таковая есть также результат определенной деятельности – работы со знанием, вызывающим сомнение или неудовлетворение. И одновременно мышление, имеющее в качестве своего предмета проблему, – это и есть собственно рефлексивное мышление: работа с проблемным знанием есть элементарный рефлексивный акт теоретика.

Итак, значение термина «проблема» указывает:

– на принадлежность к философской, метатеоретической, методологической рефлексии;

– на нормативный элемент, предписывающий определенную модель развития знания, в которой важное место отводится радикальному пересмотру фундаментальных теоретических допущений;

– на вносимый в знание извне концептуальный инструмент, побуждающий субъекта к более глубокому пониманию наличной познавательной ситуации.

Отсюда – **проблематизация** – термин, появившийся в 1960-е годы как в России, так и на Западе.

Вот как его определяет, например, М.Фуко:

Центральная задача работы интеллектуала как раз и заключается «в том, чтобы с помощью анализа, который он производит в своих областях, заново вопрошать очевидности и постулаты, сотрясать привычки и способы действия».

Какие же типы работы с проблемным знанием характерны для философской рефлексии? Их по крайней мере два: *проблематизация контекста и контекстуализация проблемы*.

Контекст

Вот несколько репрезентативных высказываний, на которые я бы хотел опереться в своем рассуждении.

К.Бюлер: «Не нужно быть специалистом, дабы понять, что важнейшее и наиболее значимое окружение языкового знака представлено его контекстом; единичное являет себя в связи с другими себе подобными, и эта связь выступает в качестве окружения, наполненного динамикой и влиянием».

Л.Выготский: «Слово вбирает в себя, впитывает из всего контекста, в который оно вплетено, интеллектуальные и аффективные содержания, и начинает значить больше и меньше, чем содержится в его значении, когда мы его рассматриваем изолированно и вне контекста: больше – потому что круг его значений расширяется, приобретая еще целый ряд зон, наполненных новым содержанием; меньше – потому, что абстрактное значение слова ограничивается и сужается тем, что слово означает только в данном контексте... В этом отношении смысл слова является неисчерпаемым... Слово приобретает свой смысл только во фразе, сама фраза приобретает смысл только в контексте абзаца, абзац – в контексте книги, книга – в контексте всего творчества автора».

Для рассматриваемой темы также очень важна позиция основателя школы британского контекстуализма Б.Малиновского. Он разграничивает типы контекстов: лингвистический контекст, ситуационный контекст, контекст культуры. Соответственно различаются и типы контекстуализации как включения знания в определенный тип контекста.

Значение слова – это его употребление в языковой игре, проговаривание в различных обстоятельствах, нахождение с его помощью выхода в языковых ситуациях или попадание в языковый тупик. Так трактует проблему значения Л.Витгенштейн, требуя от нас договаривать вслед за ним, вопрошая: кто именно употребляет слово? какие слова сопутствуют ему? что за реалии подразумеваются под ним? каковы предпосылки и последствия обращения к данному слову? каков внеязыковой контекст слова, наконец? В этом суть философской рефлексии, которая делает своим предметом понимание текстов, предметов культуры.

Контекст играет фундаментальную роль в интерпретации знания и культурного объекта вообще.

Функции контекста

Контекст *индивидуализирует* смысл высказывания, которое вне контекста обладает лишь абстрактным, всеобщим смыслом.

Контекст *дополняет* смысл высказывания с помощью нюансов, адаптируя слово к некоторому предметному полю.

Контекст *создает* смысл, если смысл слова неясен, утрачен, изменен – а ведь развитие языка предполагает постоянное изменение смысла слов.

Как философ использует контекст?

Философ стремится разобраться в истоках проблемы, понять ситуацию в той области знания, где возникла проблема, и то, как ее разрешение приводит к позитивному изменению ситуации.

Поскольку проблема возникает за пределами уже сформированной теории, необходим выход за пределы данной предметной области.

Философ вынужден приписывать проблеме более широкий горизонт, чем тот, в котором она обычно рассматривается как научная, религиозная или повседневная проблема.

Философский дискурс далек от поисков «логики смысла». Он требует теоретического воображения, позволяющего осуществлять нелогические, пробные, поисковые шаги, неочевидность и даже абсурдность которых иной раз бросается в глаза.

Так, контекстуальная реконструкция предполагает сопоставление казалось бы несопоставимых феноменов – науки и мантики, техники и магии, политики и мифологии, повседневного и экстраординарного, профанного и сакрального, маргинальной сферы и сферы мейнстрима и т. д.

Отсюда первый шаг в интерпретации слова, образа и объекта культуры вообще – это не поиск «внутренне присущего ему» смысла, но анализ возможных контекстов его употребления. Это и есть распознавание, конструирование *контекста* проблемы, *контекстуализация проблемы*.

Контекст как проблема

Контекстуальная реконструкция основана на представлении о совокупном познавательном процессе – множестве всех известных и неизвестных, реальных и возможных когнитивно-культурных ситуаций, относительно которых должна быть понята отдельная проблема или ситуация. Всякая познавательная ситуация не может быть понята вне допущения, что она есть часть масштабного (в принципе неисчерпаемого) целого, видимого лишь с «высоты птичьего полета».

Как локализовать релевантную для данной ситуации часть совокупного познавательного процесса? Как усмотреть всю глубину содержания проблемы?

Можно ли сформулировать универсальные критерии выделения и структурирования факторов, влияющих на процесс познания, или в каждом конкретном случае это нужно делать по-разному? Какие из них и когда играют решающую и второстепенную роль? Какова степень такого влияния?

Это – типичная проблема, остающаяся неразрешимой без ее перевода в задачу. Баланс между наукой и искусством остается поэтому неизбежной стратегией контекстуальной реконструкции.

При этом философ, давая социокультурное истолкование некоторого элемента знания, воодушевлен теми многообразными смыслами, которыми оно обрастает, превращаясь из гносеологической абстракции в культурный объект. Однако он порой упускает из вида, что всякая *контекстуализация есть локализация*, переход от возможного многообразия смыслов к их реальной ограниченности, переход от общего к частному. Практикуемый сам по себе, этот метод ведет от философского обобщения к специально-научному описанию, – к тому, что призвано служить исходным пунктом философской рефлексии, но порой оказывается ее результатом.

Поэтому и контекст как предмет философской рефлексии выступает не как объективно данный, но как продукт конструктивной деятельности, который должен быть подвергнут критике. Воспринимая его как *свое иное*, философ обязан заниматься *проблематизацией контекста*.

Проблема и контекст – полюса философской рефлексии.

Локальность всякого контекста и тривиальность любой проблемы, рассмотренной изолированно, – границы, которые безуспешно и неизменно стремится преодолеть философский дискурс.

Гусейнов А.А. – Правильно ли я вас понял, что о проблеме по большому счету имеет право говорить только философия? И это как будто органично философии. Тогда это означает, что, скажем, какая-то другая наука – филология, история – не может говорить о проблемах.

Реплика. – А социология?

Гусейнов А.А. – И социология тоже. Социология – в особенности.

Касавин И.Т. – Я бы ответил на ваш вопрос так. Конечно, здесь много зависит от определений.

Гусейнов А.А. – Да, пожалуйста, в рамках вашего доклада...

Касавин И.Т. – Здесь ответ неоднозначный. Проблемы – это проблемы философской рефлексии и всякой иной, *которая имеет внешний характер*, выходит за рамки некоего предметного поля. Если это историко-научная рефлексия, то это не собственно научная рефлексия, не физическая рефлексия, а внешняя рефлексия теоретика, который говорит о другом предметном поле. К философии это относится прежде всего, поскольку она есть рефлексия по поводу универсалий культуры, если использовать определение В.С.Стёпина.

Юдин Б.Г. – Не могли бы вы пояснить понятие «совокупный познавательный процесс» – откуда оно явилось?

Касавин И.Т. – Это понятие я сам сформулировал, пытаюсь показать, каким образом идет расширение предметного поля современной эпистемологии. Впервые оно систематически разрабатывается в моей книге «Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания» (СПб., 1999). Рискуя обременить окружающих своими рассуждениями, скажу только, что оно фиксирует одну из специфических черт философского познания по сравнению с научным. Философское понимание истины, знания, вообще основных категорий теории познания, эпистемологии, категорий сознания имеет свою специфику. Но как попытаться эту специфику понять? Мне показалось, что характеристика философских категорий возможна только из очень широкого панорамного контекста, практически не ограниченного. Может быть, это своего рода переформулировка тезиса о том, что философские проблемы обладают особой общностью, многообразными ракурсами. Понятие совокупного контекста может быть в нескольких словах определено так: равновозможность всех мыслимых и немыслимых, реальных и нереальных когнитивно-культурных ситуаций, исходя из которых мы рассматриваем каждый отдельный фрагмент познавательного процесса.

Гусейнов А.А. – Ещё вопросы? Нет? Спасибо. Пожалуйста, кто ещё хочет высказаться?

Лекторский В.А. – Первый мой вопрос касается понимания докладчиком того, что такое «проблема». Мне показалось, как и другим слушателям доклада, что точка зрения докладчика такова: когда речь идет о вопросах простых, то говорится не о философии, а скорее о науке. А как только мы ставим проблемы и их обсуждаем, то как бы автоматически уже переключаемся в сферу философии. Эта позиция докладчика не кажется мне убедительной. Можно привести массу таких ситуаций, когда ученый должен (особенно когда он совершает революцию в науке, то есть пересматривает какие-то принципиальные представления) заниматься именно проблемой. Эйнштейн разве не занимался проблемой времени? Вообще всякое размышление об основаниях науки имеет дело уже с проблемами. С точки зрения докладчика, любой человек, размышляющий над проблемой, становится тем самым философом. А разве это обязательно? Не очень ясно, где с проблемами имеет дело философия и где проблемы все-таки научные. Насколько я мог понять из ответов докладчика, проблемы философские отличаются только тем, что они более общие. Конечно, они более общие, но этого, видимо, недостаточно. Что-то есть в философии такое, чего нет в науках и что всегда философию отделяло и будет отделять от всех других областей знания. Ведь известно, что науки решают одни вопросы и проблемы, и потом переходят к другим вопросам и проблемам, а философия как раз имеет дело все время с одними и теми же проблемами. Из доклада непонятно, почему это есть особенность философии – постоянно размышлять над одними и теми же проблемами: что такое истина, что такое реальность, что такое сознание, что такое свобода, и т. д. Я не могу также согласиться с тем, что наука ставит проблемы, которые она потом решает, а философия ставит такие проблемы, которые она не решает. У меня другое мнение: философы решают проблемы, но каждый раз они их заново решают и перерешают.

Касавин И.Т. – Они не могут быть решены как философские проблемы, хотя могут обсуждаться философскими средствами и даже преобразовываться в научные и иные специальные задачи, подлежащие решению. Но как таковые решены быть не могут. Как можно решить проблему познаваемости мира? Бытия Бога? Бессмертия души? Конечно, некоторые направления в философии пытаются решить такого рода проблемы, например, теория искусственного интеллекта претендует на решение проблемы сознания. Но на деле все банально сводится к обсуждению специально-научных моделей работы мозга или простых мыслительных операций. Это имеет очень отдаленное отношение к философии и никак не продвигает решение философской проблемы сознания. Проблема – это способ критически посмотреть на наличное знание, а не дать ответ на то, как устроен мир.

Лекторский В.А. – Окончательно – да. Но они в каком-то смысле решаются, но каждый раз решаются в определенном контексте. Потом снова ставятся, снова возникают в другом контексте, снова решаются. Но все-таки как-то решаются. Иначе непонятно, зачем ставить вопросы и пытаться решать то, что в принципе не имеет решения. Почему этим люди вообще должны заниматься? Если нормальный человек знает, что проблема нерешаема, он не будет за нее браться.

И второе, насчет очень важного для докладчика понятия «контекст». Я, честно говоря, не уловил, что понятие контекста дает для понимания специфики философских проблем? В каком-то смысле все проблемы возникают в определенном контексте. Я уже сказал о том, что специфика философских проблем состоит как раз в том, что они, конечно, существуют в определенном контексте, но вместе с тем почему-то вечны. Вот это непонятно из доклада. Если все сводится к контексту, тогда неясно, почему одни и те же вопросы возникают вечно. Контексты-то меняются, и философские проблемы должны бы были меняться! А они меняются в чем-то, но в чем-то фундаментальном они – те же самые. И это особенность философии. То, что включает проблему в определенный контекст, может получить какое-то решение. Но философская проблема выходит за пределы определенного контекста. И в новом контексте она должна быть решена снова. Философское знание, философская рефлексия отличается от всякой другой, а вот из того, что вы рассказали, граница эта как бы размывается, и любой человек, который о чем-то думает и ставит какие-то глубокие вопросы, попадает у вас в разряд философов. А это, видимо, не так.

Келле В.Ж. – Мне хотелось бы высказаться по поводу специфики философии. Я поддерживаю стремление Ильи Теодоровича выявить специфику философии. Он связывает ее с проблемой. Я считаю, что его подход вполне допустим, это определенная позиция, но я не во всем с ним согласен. Полагаю, что все-таки требуется несколько иной подход. В ответ на вопрос Юдина было сказано, что философия на все накладывает свою ауру. Вот это мне кажется очень хороший образ. В чем же аура философии? Аура философии заключается в том, что мир как таковой, сам по себе, философию не интересует. Философия рассматривает мир только в отношении к человеку, к субъекту. В этом и состоит специфика философского знания и та аура, которая накладывается на все. Это очень просто. Поэтому попытка как-то уйти от связи проблемы с какой-то предметностью мне тоже не совсем по душе. Дело в том, что отказ от предметности, попытки вообще элиминировать отношение объекта к субъекту очень распространены в современной философии, в социологии науки. Но это ведет только к субъективизму. Проблема заключается в том, чтобы взять этот объект по отношению к субъекту. Только здесь возникает философская проблема.

Гусейнов А.А. – Спасибо большое! Пожалуйста, Людмила Артемьевна.

Маркова Л.А. – Видимо, у меня есть некоторое преимущество перед остальными слушателями этого доклада, поскольку я уже неоднократно присутствовала в секторе Ильи Теодоровича при обсуждении такого рода проблематики, будь то уже готовые тексты или устные сообщения с последующими дискуссиями по их поводу. Поэтому эта тема мне знакома. Я лично считаю, что действительно сейчас очень нужно и плодотворно анализировать целый ряд новых понятий, которые функционируют в философских произведениях, в том числе и таких как контекст, проблема, смысл и ряд других. Эти понятия и раньше присутствовали в трудах философов, но,

как правило, не играли решающей роли. В докладе Ильи Теодоровича они выдвигаются на передний план, и это делает его выступление не совсем обычным и в ряде случаев трудным для восприятия.

Я занимаюсь философией науки и её истории и могу сказать, что действительно такие понятия, как проблема и контекст, сыграли огромную роль для понимания развития философских представлений о науке в XX в. Ведь раньше полагалось, что субъект-предметное отношение в науке присутствует таким образом, что предмет должен полностью быть вне субъекта и получаемое знание должно быть максимально освобождено от всех субъектных характеристик ученого, который это знание получил, и эта идея не вызывала никаких сомнений. И вдруг в первой половине XX в. это соотношение начинает обсуждаться, оно проблематизируется, уже не воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Как известно, это было связано с научной революцией начала XX в., не буду напоминать её особенности, а также с характером развития самого философского знания.

Полемика ведётся, в той или иной форме, практически на всех направлениях философской мысли, но особенно бросаются в глаза перемены в аналитической философии. Ведь именно здесь были созданы логические системы, строго ориентированные на исключение субъекта из результатов научного поиска. И вот неожиданная эволюция взглядов Витгенштейна, которого считают основоположником логического позитивизма, к созданию теории языковых игр и обусловленности значения слова контекстом. Свобода логической структуры от личностных характеристик не выдерживает критики. Во второй половине прошлого века доминируют уже исследования по разработке другой возможности при изучении субъект-предметного отношения в науке, а именно, теперь, наоборот, обдумывается возможность нагруженности научного знания субъектными характеристиками. Опять-таки не буду задерживать вашего внимания на особенностях этого пути развития исследований научного мышления, но вы знаете, что и в форме социологии научного знания, развития социологических теорий философская мысль приходит к некоторому тупику. Поскольку субъект связан характеристиками культуры, философии, религии, психологии и так далее, то получается, что знание каким-то образом должно быть детерминировано всеми этими вещами, которые не являются наукой, а формируют лишь контекст её развития. Контексты разные, значит, и результаты изучения одного и того же предмета тоже разные. Релятивизм неизбежен.

Таким образом, два возможных пути изучения науки (детерминация научного знания или предметом, или субъектом) привели исследователей в тупиковую ситуацию. Само отношение «субъект – предмет» отходит в тень, а на передний план выдвигаются новые проблемы и новые трудности, такие, например, как отношение контекста и научного знания. Вот об этих-то новых проблемах и новых трудностях шла речь в докладе Ильи Теодоровича. Если знание получается не из предыдущего знания, а из контекста, который не является наукой, как это возможно? Каким образом это знание может считаться научным? Тут появляется понятие смысла. Если родившееся в голове учёного знание обладает смыслом, оно приобретает право на конкуренцию, на борьбу с другими точками зрения.

А что касается науки без проблем, Илья Теодорович, то это как-то странно даже с позиций вашего собственного доклада. И если вы определяете проблему через выход за пределы существующего знания, существующей теории к чему-то новому, и если это новое есть наука, то для своего развития, как и её предшественница, она должна содержать проблемы, которые будут точками её роста.

Огурцов А.П. – У меня два замечания по докладу И.Т.Касавина. Они относятся к значимости процедуры рефлексии для философского анализа знания. В классической философии, прежде всего немецкой вплоть до феноменологии Э.Гуссерля, рефлексия была центральной и фундаментальной процедурой аналитики знания и сознания.

Первое замечание касается различения проблем и задач. Это различие давнее и не с Б.С.Грязнова оно началось, уже в обосновании евклидовой геометрии оно играло свою методологическую роль. Поэтому слова докладчика, что «наука не занимает-

ся решением проблем», мне представляются сомнительными: они принижают науку и завышают значение философии. Существуют специальные научные дисциплины и теории, которые успешно (или неуспешно) ставят и решают проблемы. Напомню хотя бы описание проблем, которые поставил перед математикой Д. Гильберт (т. н. проблемы Гильберта). Многие из них не решены до сих пор. Ограничение научного знания только решением задач весьма напоминает ограничение Т. Куном нормальной науки решением головоломок. Но само это различие «нормальной науки» и «научной революции» мне кажется также сомнительным.

Второе замечание, которое относится к процедуре рефлексии... Мне представляется, что всякая рефлексия связана с поворотом взгляда назад, с ретроспективным анализом уже-сложившегося знания. Мы всегда поворачиваем свой взгляд назад, смотрим ретроспективно. Поэтому рефлексивное движение всегда связано с тем, что, как говорил Гегель, сова Минервы вылетает в полночь, т. е. тогда, когда знание уже отложилось в некоторые теоретические системы или научные дисциплины. Оно проясняет то, что уже сложилось. Иными словами, настаивая на важности процедуры рефлексии, мы обречены решать проблемы и задачи, которые были поставлены предшественниками. И в этом смысле мы поворачиваем свой взгляд назад, выявляя основания этого сложившегося знания, его неувязки и рассогласования. Между тем во второй половине XX в. возникли и развивались совершенно другого рода представления о процедурах философского знания. Я имею в виду идеи проекта, в котором схватываются тенденции, еще не воплотившиеся в реальности. Эта процедура ориентирована в будущее. Вся прежняя рефлексия о философии «деструктурируется» и вместо нее возникает совершенно другой образ философии – философии-в-бытии. Акцент делается, например, у А. Гидденса, на процедуры понимания-в-бытии, понятие «рефлексии» подвергается критике, так как ориентирует на инстанцию, стоящую над той, о которой осуществляется рефлексивное размышление. Иными словами, любое рефлексированное знание ориентировано на усиление власти над прошлым. В наши дни возникает совершенно другого рода проблемы и перед философией, и перед наукой, и их решение не может быть найдено на пути возрождения классического понятия рефлексии. Я имею в виду концепты и понятия философии коммуникативного действия и коммуникации в различного рода сообществах, моментом (но лишь моментом!) которой может быть понятие рефлексии наряду с пониманием, взаимопониманием, лакунами коммуникаций и др.

Касавин И.Т. – Я хотел остановиться только на двух моментах, поблагодарив всех, кто принял участие в обсуждении.

Во-первых, когда я говорю, что в науке нет проблем, я вообще не говорю ничего нового. Если вы возьмете схему развития знания, скажем, у К. Поппера в «Предположениях и опровержениях», то там проблемы стоят все же особняком, за пределами обычной теоретической и эмпирической работы. Они находятся вне всего процесса научного исследования. Они имеют внешний характер, с них все начинается и ими все заканчивается. Если вы возьмете Т. Куна, так и у него в рамках парадигмы никаких проблем не ставится и не решается. Я не из пальца это высасываю, господа! Это многие уже говорили. Поэтому можно, конечно, апеллировать к обыденному представлению о том, что, дескать, наука решает проблемы, политики решают политические проблемы, у домохозяек тоже есть проблемы... Но, извините, это обыденное словоупотребление, я же пытаюсь концептуализировать термин, показать, что есть разные проблемы и разные способы их преобразования в задачи.

Второе. Проблема и контекст – это два понятия, которые устанавливают темпоральные векторы знания. Проблема – перспективный, контекст – ретроспективный. Открытость знания будущему фиксируется в проблеме и в рефлексии теоретика по проблематизации, т. е. критике, актуализации, переосмыслению, обновлению старого знания. Зависимость знания от прошлого, его обусловленность языком, ситуацией, наличной социальностью, всей историей культуры выражается в понятии контекста. Эпистемолог мигрирует между этими полюсами, постоянно меняя позицию рефлексии. *Изучая* знание, он рассматривает всю совокупность его детерминаций; *критикуя* знание, он пытается понять природу вопроса, на который оно отвечает.

Проблема может быть адекватно понята только в контексте совокупного познавательного процесса. А контекст вовсе не следует принимать как абсолют – он требует критического анализа и сам является продуктом теоретической реконструкции. Мне кажется, что сказанное выше характеризует способ философского познания в достаточно общем виде и относится и к социальной философии, и к философии культуры, и к философской аксиологии и т. д. Полагаю, что, обращая внимание на эти интегральные моменты философского способа познания и исследования, эпистемология в очередной раз демонстрирует свое значение для философии и теоретического мышления в целом. Спасибо вам за внимание.